

ГОРОД В ЕГО ВИЗУАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ

08.02.2017 // Дарья Рыжова

Под таким названием 24 января 2017 года прошёл очередной «круглый стол», организованный Центром геральдических и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН. Как отметил руководитель Центра А.П. Черных, городская геральдика ничем не уступает геральдике знати, и городское визуальное пространство представляет обширный материал для исследователей. Подтверждением этому стало разнообразие тем и подходов к проблеме, представленное участниками конференции.

Н.С. Верижникова (бакалавр Государственного академического университета гуманитарных наук – ГАУГН) посвятила свой доклад «Символика неблагородных в городском пространстве средневековой Дании» исследованию сохранившихся печатей датских ремесленников, производителей продуктов питания (пекарей, мясников и других) и жалованных грамот городским общинам начиная с XV в. По её данным около 70 процентов изображений на печатях представляют собой заключённые в гербовый щит знаки. Она отметила, что иконография печатей ремесленников отличалась от аристократической и чаще всего она отражала профессиональную специализацию обладателя. На основании имеющихся и доступных изображений автору удалось выделить основные мотивы, присутствующие на печатях ремесленников разных профессий, в том числе и тенденцию к смене изображения непосредственно изготавливаемого продукта либо используемых орудий на изображение святого покровителя ремесла, сложившуюся к концу Средних веков. Установление контроля со стороны короны осуществлялось в форме покровительства, что проявлялось в даровании права на использование элементов королевского герба Дании (трёх сердец) городскими ремесленниками. Домовые знаки, подчас те же самые знаки ремесленников, с XV в. постепенно из владельческого знака превращались в признак статуса.

К.и.н. А.А. Майзлиш (Институт всеобщей истории РАН) обратилась к теме визуального самовыражения фламандцев. В докладе «Город, цехи и семейства в эмблематическом пространстве Гента XIV–XV вв.» она обратила внимание на эмблематическое противостояние во взаимоотношениях горожан и сеньоров: жители 100-тысячного по населению средневекового Гента активно использовали городскую, цеховую и личную геральдику во время восстаний, а сеньор после их подавления требовал использования в городе только своего герба. Конфликт между геральдикой города и геральдикой правителей, выражался и в требовании соблюдения иерархии и размещения графского герба на более высоком месте по сравнению с городским. Потребность визуально дистанцировать город от королевства в целом вылилась в появление аллегорического образа Гента в виде Девы, держащей в руках герб города и сопровождаемой коронованным львом. Этот образ в дальнейшем получил широкое распространение как в изобразительных, так и в письменных фламандских источниках. На основе редких миниатюр и текстов стихотворных хроник, повествующих о Гентском восстании, А.А. Майзлиш проанализировала ряд аспектов геральдики в городе, одновременно отметив плохую сохранность соответствующих средневековых источников. В знамёнах, приписываемых изобразительными источниками городским гильдиям, гербы графства и гербы города соединялись в одном гербе, причём цеховые знаки располагались в нижней его части. Несомненно присутствие знаков городской милиции, однако интерпретация изображений на «Оксфордском сундуке» далека от однозначности. Докладчик поставила проблему адекватной времени интерпретации знака, которая прозвучала и в докладах других участников «круглого сто-

ла».

К.и.н. А.А. Анисимова (Институт всеобщей истории РАН) в докладе «Геральдика Пяти Портов» рассказала о феномене геральдической визуализации средневекового конфедеративного объединения портовых городов (Cinque Ports) юго-восточного побережья Англии, обязанных королю корабельной службой и обладавших каждый собственной городской геральдикой. При этом данные печатей XIV–XV вв. показывают, они имели и ещё одну общую визуализацию – образ корабля. Показательно, что при наличии общей геральдизации они вплоть до XVII в. не имели единой общеконфедеративной печати и допускалось равнозначное употребление городских печатей с гербом. Необходимость различать корабли в открытом море привела к подписанию Эдуардом I договора с фламандцами о том, что английские корабли должны выходить в море неся королевский герб Англии. Однако печать города Дувр, датируемая 1305 г. показывает, герб уже был видоизменённым – три золотых шествующих леопарда в красном поле с окончанием в виде корабельной кормы. Несмотря на то, что точная дата появления этого герба неизвестна, он активно использовался с начала XIV в. и присутствует на печатях всех городов, входивших в конфедерацию. Докладчик отметила, что Страж Пяти портов этим гербом не пользовался.

К.и.н. Пчелов Е.В. (Историко-архивный институт РГГУ) выступил с докладом на тему «Что можно было узнать о городе по городскому гербу Российской империи». Исходя из того, что свод дореволюционных русских гербов доныне отсутствует, даже в исследованиях могут находиться в одном ряду варианты герба, проекты и прочее. Сосредоточившись на городских гербах собственно русского происхождения (а в русской городской геральдике есть и иные), автор оценил их количество примерно в десять сотен гербов. Е.В. Пчелов подверг критике существующие типологии русских городских гербов с серьёзными количественными коррективами и предложил свою типологию. Он задался вопросом, какими принципами руководствовались авторы гербов русских городов. Разделив геральдические изображения формально на четыре группы: гласные, природные, хозяйственно-бытовые и исторические, автор постарался составить статистику, какие изображения чаще брались за основу герба в дореволюционной России. По свидетельству Е.В. Пчелова в допетровские времена титульные эмблемы представляли собой в большинстве своём животных или оружие и лишь в нескольких случаях символические изображения (например, Казанский дракон). В начале XVIII в., связанного с именами Фр. Санти и графа Б.К. Миниха, автор отмечает преобладание гласных гербов и эмблематических изображений. В екатерининскую эпоху, во время самого масштабного герботворчества, основным мотивом герба стала хозяйственная деятельность населения, то есть изображения, как правило, представляли собой плоды народных промыслов или основные продукты, производимые в городе. В XIX–XX вв. геральдическая традиция сильно отошла от простых и понятных изображений, началось активное использование эмблематики, увеличилось количество фигур, возникло деление щита. Б. Кёне ввёл классические геральдические фигуры (пояс, столб, оконечность), гласные гербы использоваться перестали. В докладе была предложена убедительная периодизация развития русской городской геральдики, состоящая из девяти этапов и охватывающая гербы с допетровских времён до начала XX в., представляющая полноценную картину истории русской городской геральдики.

Тема отечественной городской геральдики была продолжена в докладе к.и.н. К.А. Елохина (Институт всеобщей истории РАН) «Геральдика в новом российском городе (Лыткарино)» рассмотрел современную практику бытования герба в публичном пространстве современного нового, существующего в статусе города с 1957 г., городского образования и проанализировал её с точки зрения геральдического законодательства Московской области, опираясь на нормативную базу по использованию государственной символики. Наряду с этим докладчик привёл официальный блазон и официальное толкование символики города; отметил очевидную разноголосицу в практике применения герба и отсутствие контроля в этой сфере.

В ответе на ряд вопросов, возникших в связи с этим докладом, К.В. Переходенко

(член Рабочей группы при Геральдической комиссии Московской области) осветил ситуацию с геральдикой в Московской области и рассказал о современных законодательных инициативах, направленных на оптимизацию контроля за исполнением законодательства о гербах и флагах.

К.и.н. А.А. Митрофанов (Институт всеобщей истории РАН) в докладе «О роли и месте герба в публичном пространстве революционного Парижа 1789–1793 гг.» рассмотрел геральдические сюжеты в историографии Французской революции, остающиеся, по мнению автора доклада, в известном небрежении. Он коснулся очень важной, но малоизученной темы инициативы Национального собрания по ликвидации дворянских титулов вместе с их геральдической репрезентацией. Он предположил, что корни отношения к геральдике в ходе революции во Франции надо искать не в революционных годах, а значительно ранее, как минимум в середине XVIII в. На основе неиспользованных в отечественной историографии изобразительных материалов докладчик привлёк внимание аудитории к переходному периоду, когда старые геральдические знаки сочетались с новыми революционными визуализациями и указал на ряд сложных моментов для понимания истории геральдики Франции революционной эпохи. При этом он отметил рост в ходе развития революционного процесса проявлений не только физического насилия, но и символического. Исследование А.А. Митрофанова показало, что геральдическая лилия в качестве государственной символики, не только не вызывала отрицательного отношения, но и активно использовалась наряду с новыми революционными эмблемами и какое-то время представляла как символ единства нации, и в её трактовке средний лепесток отображал короля, правый и левый – клириков и нобилитет, а объединяющая их перекладина – народ. Ряд революционных плакатов-карикатур пропагандировал диффамацию гербов. Законодательные инициативы по отмене гербов первоначально касались только родовых гербов и гербов на городских улицах. Практическое осуществление ликвидации гербов в Париже потребовало расходов на работы, но объективно достаточно скромных. Политика уничтожения сопровождалась настойчивыми усилиями по внедрению новых знаков и эмблем. Как дополнительный вывод в докладе прозвучала мысль о том, что общественное мнение, оказавшее столь сильное влияние на отношение к гербам в эпоху Французской революции, рождается в публичном пространстве города, по мере расширения которого происходило сужение приватной сферы.

К.и.н. Черных А.П. (Институт всеобщей истории РАН) в закрывавшем «круглый стол» докладе «Эмблематическое пространство европейского города Средневековья и раннего Нового времени» настаивал на том, что городская геральдика не сводится к гербу города и в исследовательском отношении перспективнее ставить проблему геральдики в городе. Он представил обширное собрание изображений гербов на памятниках монументально-декоративного искусства и предметах материальной культуры: потолочных и стеновых росписях, многочисленных гербов на фасадах и стенах общественных зданий, столешниц, ларцов, собраниях портретов с гербами. В топографии города существовали общественно значимые точки, которые, как правило, снабжались гербом. Имела место и визуализация отдельных частей города: кварталов средневековой Тулузы, контрад Сиены. Повсеместно распространённые домовые знаки обеспечивали практическое ориентирование в городе. На внутригородском уровне эмблематическая повседневность проявлялась в непосредственной визуализации гербов должностных лиц города, в их официальных одеяниях. Визуальные признаки были и временными, и постоянными: многочисленные источники конца XV в. свидетельствуют о том, что город постоянно заказывал художникам изготовление недолговечных по материалу гербов для городских торжеств. Наряду с этим сохранившиеся фасады демонстрируют резанные в камне гербы должностных лиц и домовладельцев. Гербы присутствовали и во внешнем облике, и в интерьере храмов, общественных зданий, мест заседаний сословно-представительных органов. В пределах города знаковое пространство наполнялось и определялось в основном гербами и знаками его обитателей, благородных и неблагородных. Город оказывался единственным местом встречи разных проявлений геральдики. Именно в наличии городской эмблематической среды заключается феномен средневековой городской геральдики. Смысл городского эмблематического пространства в том, что оно было ответом на необходимость визуальной коммуникации как социальной потребности. Вывод,

сделанный на основании исследования этих источников стал и основным выводом «круглого стола»: геральдика была логичным, органичным и экономичным ответом на необходимость социальной репрезентации в городском пространстве.

В своём выступлении при подведении итогов д.и.н. В.А. Антонов (Институт всеобщей истории РАН) отметил необходимость избегать анахроничных терминов, несвойственных Средневековью, таких как «знак собственности», «герб государства» и тому подобных.

* * *

Автор - младший научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований, аспирант Института всеобщей истории РАН.

На заставке: фрагмент проекта герба Ораниенбаума работы Б.В. Кёне и художника А.А. Фадеева, 1859.